

Наталъя Бодрова

СОЛОЛИ

там, где нас нет...

Наталья Бодрова
Сололи. Там, где нас нет...

«Издательские решения»

Бодрова Н.

Сололи. Там, где нас нет... / Н. Бодрова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908718-8

Читать чужие письма и дневники нам запрещают с детства, потому что они содержат множество тайн, о которых никто не должен знать. Это сокровенное. Биографическая повесть «Сололи» — один из таких дневников, но прочитать его должен каждый, чтобы узнать, какой силой обладает настоящая, безусловная любовь.

ISBN 978-5-44-908718-8

© Бодрова Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ИЗ ДНЕВНИКА А. А. ПОЗДНЯКОВА	8
1	9
2	11
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сололи Там, где нас нет...

Наталья Бодрова

«...Сказать человеку „Я люблю тебя“, это все равно, что сказать ему „Ты никогда не умрешь, ты будешь жить вечно“...» (Габриэль Онопре Марсель)

© Наталья Бодрова, 2018

ISBN 978-5-4490-8718-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то утро я проснулась от телефонного звонка. Меня вызывали в полицию. Им нужны были ключи от квартиры, которую я уже полгода сдавала Александру. Первый раз в жизни я так быстро собралась. Руки тряслись, в голове пронеслись тысячи мыслей и вопросов... Ничего конкретного мне не сказали, но дали понять, что хороших новостей ждать не стоит, поэтому первым делом я позвонила на работу и попросила дать мне день за свой счёт.

«Ограбление, пожар, наркопритон...» – я перебирала все возможные варианты и представляла, что сейчас творится в моей квартире. Год назад я сделала в ней хороший ремонт и купила новую мебель. О самом Александре я особо не переживала. На прошлой неделе он мне перечислил деньги за месяц вперёд, а значит, как минимум, с квитанциями проблем не будет.

Через десять минут я уже бежала на остановку и пыталась вспомнить хоть что-то о самом квартирсыёмщике. Высокий, приятный, интеллигентный мужчина со старой доброй собакой. Вначале он мне показался немного странным и закрытым, но потом я поняла, что главное для меня – адекватность и платежеспособность, а у военных обычно с этих проблем нет. Они любят порядок во всём. За полгода нашего «знакомства» он ни разу не дал повод в этом усомниться...

В коридоре горотдела я просидела около часа. Меня не торопились приглашать в кабинет и все делали вид, будто меня нет вообще. Телефон сел, зарядки с собой не было. Я вспомнила, что не успела даже позавтракать перед выходом и вся эта ситуация начинала меня жутко раздражать. В тот самый момент, когда я уже была готова уйти домой, я услышала свою фамилию.

Следователь показал мне фото Александра и как-то безучастно и монотонно сообщил, что его убили и ограбили вчера вечером, когда он вышел в магазин. Всё случившееся попало в объективы камер уличного наблюдения и их уже успели просмотреть. Нападавших было трое и судя по всему больше ничего на тот момент известно не было. В квартире осталась собака, которая своим воем не давала спать соседям всю ночь. Мне предложили съездить с нарядом полиции и открыть квартиру, чтобы родственники смогли забрать вещи покойного и бедное животное.

Я заплакала. Не знаю, кого мне больше было жаль, – то ли хозяина, то ли собаку, то ли себя, но вся эта история меня жутко потрясла. Очень страшная и нелепая смерть... Никогда до этого ничего подобного не случалось ни с моими родственниками, ни со знакомыми. Пять ножевых, два свидетеля – это всё что я запомнила из долгой и нудной речи следователя.

...

В квартире было чисто. Каких-то явных следов ограбления или даже проникновения не было (что не могло меня не обрадовать). Везде был включен свет, в зале громко работал телевизор. Видимо, Александр рассчитывал вернуться через несколько минут. Собака испугалась непрошенных гостей, забилась в угол и свернулась клубком. Она явно ждала не нас. Уже тогда я решила, что оставлю её себе.

Сотрудники полиции и военной прокуратуры пошли по квартирам соседей. Кто-то позвонил бывшей жене Александра и просил приехать за вещами, чтобы освободить квартиру. Никаких мероприятий решено было не проводить – следов взлома не было. Ноутбук конфисковали с указанием на то, что в нём может быть что-то важное и секретное. Меня попросили дождаться родственников, отдать им всё, что нужно, а потом, на всякий случай, сменить замок. После этого люди в погонах уехали, оставив меня один на один с голодным и грустным псом, который отказывался есть и уходить со своего места.

Чтобы не терять время, я решила сама сложить вещи по пакетам, понимая, что бывшая жена вряд ли станет этим заниматься. Я знала, что в квартире было моё, а что Александр привёз с собой, поэтому справилась со всем буквально за пятнадцать минут. Мне было жаль его. Два полных мусорных пакета, чемодан, военная форма с наградами и старый пёс – это всё, что осталось от человека, который ещё вчера вечером был жив и здоров. Я поняла, что не хочу закончить жизнь так же. Были ли у него родители, были ли дети, женщина, друзья – я ничего этого не знала и мне даже было немного стыдно.

Вскоре приехали двое – женщина и мужчина, забрали вещи, поблагодарили за всё и уехали. Про собаку они даже не спросили. Судя по каменному выражению лица девушки, это была «совсем бывшая» жена, либо она просто так хорошо держала себя в руках, чтобы не расстроить своего нового мужа.

Нужно было опять искать жилья. Накануне Нового года это было проблематично... Я решила, что подумаю об этом завтра.

Желудок сводило от голода, руки тряслись от волнения. Нам с псом нужно было подкрепиться – оба устали и перенервничали. Замороженные пельмени, колбаса, сыр, огурец – это всё, что я нашла в холодильнике. Поставив кастрюлю с водой на огонь, я повернулась к окну. Серое небо давило на крыши домов так сильно, что отдавало болью в висках. Погода угнетала. «Как ужасно умереть в такой пасмурный день» – пронеслось в голове.

На подоконнике в углу я заметила небольшую стопку блокнотов и записных книжек. Там же лежала потрёпанная книга Пастернака «Доктор Живаго». Признаюсь, я её не читала и даже не представляла о чём она... Но больше всего моё внимание привлекла толстая тетрадь в клетку, исписанная мужским отрывистым почерком. Судя по всему, ей было много лет и чернила менялись почти на каждой странице. Первые листы уже начали выцветать, но текст читался хорошо...

Это был личный дневник Александра. Настолько личный, что мне даже было стыдно, что я вообще держу его в руках. Я стояла как вкопанная около минуты и не знала, что с ним делать – то ли выбросить, то ли отдать бывшей жене. Наконец, любопытство взяло верх: первая страница прочиталась сама собой, а потом я уже не могла остановиться...

ИЗ ДНЕВНИКА А. А. ПОЗДНЯКОВА

Никогда не думал, что сяду писать мемуары. Всегда считал это занятием бесполезным и никому не нужным. Жизнь каждого отдельного человека – уже есть роман. У кого-то – яркий, многотомный, с многочисленными эпизодами, действующими лицами. У кого-то – скучный, однообразный и короткий. Если каждый сядет описывать свою историю со дня своего появления на свет и до последних воспоминаний, до дня настоящего, то сколько разом появится произведений неграмотных, неумелых, сырых. Потому как, чтобы сесть писать подобное, нужно уметь писать. Нужно чтобы твоя история была интересна другим, а не только тебе. И не обязательно быть знаменитым на всю страну человеком. Нужно быть просто человеком, умеющим чувствовать, думать и наблюдать. А таких, к сожалению, год от года всё меньше и меньше.

Я же пишу не для кого-то и для чего-то. Пишу потому, что боюсь, что вскоре всё уйдёт из моей памяти, по кусочкам, по эпизодам, по фрагментам. И не останется ничего. Человеческая память так устроена – стирается всё, но не сразу, а постепенно. Мне же мои воспоминания настолько дороги, что я не хочу терять ничего. А поэтому – пишу. Пишу и надеюсь хотя бы на бумаге продлить жизнь моего прошлого, продлить *её* жизнь и уйти.

Моя история – это история моей любви. Самой чистой, самой светлой, самой сильной и самой несчастной на земле. Она была в моей жизни, она протягивала мне руки, но я постоянно отворачивался от неё. Слишком поздно я понял, что это было самой большой ошибкой в моей жизни. Всё ценное и стоящее, что было у меня, – связано с *её* именем, *её* образом. Образом, который я старался все эти годы вычеркнуть из своего сердца, сжечь, порвать, растопить и закрыть другими картинками. Вся моя жизнь в отдельности от неё настолько неинтересна и не представляет никакой ценности для меня, что нахожу лучшим вариантом и не вспоминать о ней иначе, как вскользь, к случаю, между прочим...

Может кто-то потом найдёт эту тетрадь, исписанную моим почерком. Может даже прочитает до конца. Было бы конечно интересней, если бы историю дополняли цветные иллюстрации или фотографии, но у меня почти ничего не осталось. Только мысли о ней. Днём и ночью. Воспоминания, которым я попытаюсь придать материальную форму. Чтобы вновь и вновь перечитывать, перелистывать и переживать всё заново. До последнего дня.

Говорят, что во время прочтения великого произведения всегда есть желание написать нечто подобное. Подобное по глубине чувства, эмоций и переживаний. Хочется совершить некую исповедь. Сейчас передо мной – дочитанный ещё ночью «Доктор Живаго». *Её* любимая книга... Любимая книга моей любимой. А теперь и не только её. Конечно, до Пастернака мне далеко и даже очень далеко, но к ней я стал ближе с этим произведением. Мне кажется, я многое понял. И теперь мне есть что сказать.

1

Начну с того, что зовут меня Александр. Поздняков Александр Александрович. Сейчас мне 32 года. Самое время, чтобы подвести кое-какие итоги в жизни и посмотреть на всё со стороны. Может кто-то скажет, что мой возраст – период жизненного расцвета, но ведь всё в жизни так относительно и до того у каждого индивидуально, что не следует мерить всех по одной возрастной линейке.

Родился я и всё детство провёл в небольшом дальневосточном посёлке Сололи. В тридцатые годы двадцатого века так называлась маленькая станция на Транссибе, основанная первыми евреями-переселенцами. Спустя десятилетия это был один из тысячи обычных, Богом забытых поселков на окраине нашей страны, которого даже не было на карте Дальневосточного региона.

Две тысячи человек, бумажная фабрика, леспромхоз, мраморная шахта, сопки и уснувший вулкан в двадцати километрах, который иногда давал о себе знать. Вот и всё, что можно было сказать о Сололи тем, кто никогда там не был.

Куски мрамора лежали на улицах, в огородах, им игрались дети, его использовали в качестве груза в хозяйстве. Приезжие обычно удивлялись этому и все как один говорили, что мы ходим по золоту, но смысл этого я понял гораздо позже.

В школе нас всех как одного учили гордиться тем, что мы из Сололи. Практически на каждом уроке по истории родного края нам повторяли, что нашим мрамором облицована станция московского метрополитена. В будущем я узнал, что москвичам абсолютно всё равно из какого камня сделаны стены метро, которое они просто ненавидят из-за постоянной утренней давки и ежегодных терактов.

Мой дом находился возле железной дороги и с раннего детства я привык засыпать под голос дежурного по станции и стук колёс проезжающих составов. Ночью дребезжала посуда, раскачивалась люстра. Родителей это раздражало, а мне почему-то нравилось.

Отец работал в леспромхозе, мама – в здании администрации посёлка. До сих пор точно не могу сказать, чем именно занимались они на своих должностях, потому что к себе на работу родители не пускали. Я знал только то, что папа пилит лес и складывает его в вагоны, которые потом почему-то уходят в Китай, а мама с утра до вечера печатает какие-то бумажки. Больше знать мне было не положено.

В школе я учился хорошо. Не сказать, чтобы трудился, просто делал то, что от меня требовалось. Была твёрдая четвёрка по всем предметам. В старших классах появились пятёрки по гуманитарным дисциплинам, что радовало родителей и заставляло их гордиться мной.

В общении с одноклассниками тоже не было особых проблем. Так уж получилось, что природа одарила меня и силой, и ростом, и приятной внешностью. Меня уважали, даже можно сказать – любили. Странно, будучи молчаливым и спокойным ребёнком, я всегда состоял в активе класса. То же самое потом было и в институте, и в части, которой я служил.

В школе моими лучшими друзьями были худшие ученики класса – Андрей Попов и Серёжа Мурачёв. В седьмом классе учительница по русскому языку попросила меня «подтянуть» по предмету этих двух оболтусов, взять на поруки, позаниматься с ними. Не за горами был годовой диктант. Я долго не соглашался, понимая, что это будет бессмысленно убитое время в моей жизни.

В результате занятий моя успеваемость упала. Домашние задания мне просто некогда было выполнять из-за того, что я все вечера просиживал в компании своих горе-учеников, которые и думать не думали слушать мои наставления. В дело вмешалась мама, наши вечерние занятия прекратились, но до конца школы с этими двумя я прошагал нога в ногу.

Учителя, близкие не понимали – что меня может связывать с такими «трудными» подростками. Боялись, что я подпаду под их дурное влияние и заброшу учёбу, но как они все заблуждались... Ничего криминального в нашей дружбе не было. Это были настоящие, верные друзья, такие, с которыми не страшно ничего. Много в жизни я понял только благодаря им.

С Андреем мы видимся раз в полгода, он живёт в соседнем городе и изредка приезжает к родителям в Сололи. Серёги уже три года как нет.

2

Она жила на соседней улице. Посёлок был маленький и поэтому, даже не общаясь, мы знали друг о друге всё. Я знал, что её зовут Аверина Кира, что она на два года младше меня и учится в экспериментальном классе для одарённых детей.

Семьёй они переехали в Сололи откуда-то с Запада, когда Кире было восемь лет. Её отца – Владимира Александровича знали все. Это был майор милиции, следователь и очень уважаемый в посёлке человек. Его жена – Наталья Васильевна работала в нашей школе учителем химии и биологии. Могу с уверенностью сказать, что ученики её любили, несмотря на то, что она была достаточно требовательна и принципиальна.

Кира была старшим ребёнком в семье. Младшие Максим и Кристина весь день пропадали на улице с местной детворой. Их я видел каждый день. Киру же заметил гораздо позже.

Это произошло на торжественном школьном вечере, посвящённом 9 мая. Я тогда учился в восьмом классе. Присутствовать обязали всех учащихся с пятого по девятый класс, припугнув кабинетом директора и трудовой повинностью в виде недельного дежурства в классе. Учителя прекрасно понимали, что это был единственный способ затащить нас на этот вечер.

Почти всё время я просидел на заднем ряду актового зала, просмотрев в окно. Подобные мероприятия всегда были невыносимы для меня. Мероприятия для галочки. Когда читали стихотворения не от души, а потому что надо прочесть, чтобы потом тебе поставили пятёрку по литературе. Таких вечеров, посвящённых 9 мая, на моей памяти было уже три. И каждый раз читали одни и те же стихи, пели одни и те же песни, устраивали одни и те же конкурсы.

Я думал о том, что когда всё закончится, мне нужно будет идти доделывать задачу по физике, над которой я бился целый час... Я знал, что мама готовит на ужин курицу, а папа уже должен возвращаться с работы. Может в эту минуту он проходил мимо школы...

Вдруг все замолчали. Со сцены зазвучала безумно красивая музыка. Кто-то играл на пианино мелодию из кинофильма «Холодное лето 53-го». Это было очень искренне. Это было от души. На сцене, за старым школьным пианино, к которому давно уже никто не прикасался, я увидел маленькую, худенькую, темноволосую девочку. В ней я узнал дочку нашей учительницы – Киру.

Она не была красавицей. «Симпатичная» – говорили про таких, но у Киры было какое-то своё природное обаяние. То, что покоряло сразу. Она никогда не пыталась никому понравиться, и от этого нравилась всем ещё больше. Она была настоящей.

В этот вечер она не произнесла ни одного слова, она просто играла. Но играла так, что заставила всех полюбить и мелодию, и пианино, и себя. Потом ни один школьный вечер не обходился без Киры и пианино.

Помню, тогда я подумал, что эту девочку ждёт большое будущее.

3

Было обычное июньское солнечное утро. Я закончил десятый класс, сдал все экзамены и проходил вместе с классом летнюю практику на школьной территории. В этот день нам поручили белить стены школьного спортзала. На помощь прислали восьмиклассников.

На третьем этаже, возле закрытых дверей зала мы ждали Виталия Валерьевича – директора школы, который всегда опаздывал минут на десять. С нами было двое учителей, наших классных руководителей. Они стояли в сторонке от всех и бурно обсуждали итоги прошедших экзаменов.

Из восьмого «Б» класса я тогда ни с кем не общался, хотя знал пофамильно всех. Класс был образцовый по успеваемости. Почти все учились на четвёрки и пятёрки. Многие ученики уже успели получить призовые места на областных олимпиадах, и поэтому считались примером для остальных. Все были из полных, порядочных семей с хорошим достатком. Они всегда выступали организаторами школьных мероприятий, которые готовили самостоятельно, без помощи учителей и родителей. Их уважали, их любили, им завидовали остальные.

Некоторые девочки там уже выглядели старше и выше наших мальчиков. Я знал, что нравлюсь нескольким, но никому не позволял кокетничать со мной. В то время даже сама мысль о каких-то отношениях была для меня не приемлема. Все свои силы я направил на то, чтобы закончить с отличием школу и поступить на бюджетное место в институт. Иногда всё же я появлялся в нашем клубе на дискотеках, но только в компании своих лучших друзей.

Директор пришёл раньше, чем мы ожидали. Взяв ключи в учительской, он открыл нам спортзал. Работы было дня на два. Объяснив, что и как делать, Виталий Валерьевич ушёл, предоставив нам поле для работы.

Первые минуты не знали, с чего начать. Козлы перетаскивали с места на место, передвигали газеты, маты и ведра с водой. Наши девушки отказались лезть под потолок, решили мыть полы и окна. На высоту отправили несколько девочек из восьмого класса. Их мальчишки подавали ведра с извёсткой. Нашей задачей было передвигать невыносимо тяжёлые козлы и помогать с ведрами.

Включили музыку. Стало веселее. Работали быстро, слаженно, но уже после первых двух часов решили сделать перерыв, хотя не выполнили и десятой части работы. У всех болели руки.

Нам выделили двадцать минут. Почти все вышли на улицу, кто-то побежал в магазин. Я решил остаться в спортзале, сел на подоконник и стал наблюдать за одноклассниками с высоты третьего этажа.

Не прошло и минуты, как я услышал сильный грохот. Казалось, что по улице едет какой-то большой трактор. Ребята, на которых я смотрел сверху, тоже не могли понять – что происходит? Все разом замерли и стали ждать. Через пару секунд всё затряслось, застучали стёкла. Я догадался, что это землетрясение.

Мигом спрыгнув с высокого подоконника, я побежал в сторону выхода. И вдруг услышал чей-то голос.

– Помоги мне!

Я обернулся и увидел Киру, стоящую на раскачивающихся деревянных козлах. В зале больше никого не было. Не раздумывая, я побежал к ней.

Спуститься самостоятельно с этого малярного сооружения было практически невозможно даже в обычных условиях. Нормальных ступенек не было. Доски трещали от каждого движения. Наша же ситуация осложнялась тем, что всё раскачивалось под амплитудой в сорок градусов.

Полетели вёдра с водой и извёсткой. Я держал ту часть сооружения, по которой спускалась Кира. Когда её ноги поравнялись с моей головой, я протянул ей руки. Она спрыгнула. Мы побежали к двери.

Помню, что по пути нас раскачивало из стороны в сторону. Было ощущение, что мы находимся на корабле, который попал в самый эпицентр бури. Выбежав в коридор, я понял, что мы на этаже остались одни. Все уже были внизу.

Я схватил Киру крепче за руку и потянул её к двери, которая вела на пожарную лестницу.

Землетрясения у нас бывали часто, но такого сильного и продолжительного на моей памяти ещё не было. Этажом ниже я понял, что лучше будет, если мы переждём этот толчок, сидя в углу.

– Стой! Не успеем. Иди сюда!

Я прижал Киру к себе и встал под самый угол лестничного пролёта, как нас учили на уроках ОБЖ. Я чувствовал, как её трясло, как бешено билось её сердце. Не помню, что чувствовал я в этот момент, но был счастлив, что нахожусь не один. Слышно было, как где-то летят оконные стёкла, как кричат люди на улице.

Вскоре всё смолкло. Тишину нарушало лишь тяжёлое и неровное дыхание Киры. Она посмотрела на меня испуганно и тут же отвернулась.

– Пошли, – сказала она.

Прижавшись друг к другу, как к единственному возможному спасению, мы спустились вниз. Я боялся, что дверь внизу будет закрыта, как это часто бывает, но нам повезло. Мы вышли на свежий воздух и поняли, что спасены.

В двадцати метрах от нас на спортивном поле стояли учителя и наши одноклассники. Все были напуганы. К нам подлетел злой Виталий Валерьевич и закричал мне прямо в лицо:

– Поздняков, где вы шарились всё это время? Была команда – всем на улицу! За вашу тупость мне пришлось бы отвечать головой...

Меня охватила такая злость и ненависть к этому человеку, что я боялся сорваться и ударить его по лицу.

– Всё это время я спасал девочку, про которую все забыли и бросили наверху. Вы даже не проверили – остался ли в спортзале кто-то или нет!.. Герой...

Не желая продолжать разговор, я отошёл в сторону. Все молчали, но я знал, что в тайне они меня поддерживают. Из этого сражения я вышел победителем. Я поступил так, как должен был поступить, и не боялся гнева Его Величества Директора.

Хочу сказать, что после этого случая Виталий Валерьевич стал мне неприятен. Я перестал его уважать как мужчину, прежде всего. Избегал его. Он это чувствовал и старался не разговаривать со мной.

Кира всё ещё держала меня за руку. Не знаю почему – я поцеловал её в лоб и пошёл домой. Оставаться там мне больше не хотелось.

По дороге я заметил, что почти у всех домов разбиты стёкла, асфальт покрылся новыми трещинами. Испуганные дети, взрослые слонялись по улицам, не зная что делать. Я раньше никогда такого не видел. В воздухе витало ощущение какой-то опасности, какого-то всеобщего горя.

Навстречу мне шла испуганная мама. Она знала, что я нахожусь в многоэтажном здании, напридумала себе Бог знает что и сейчас бежала откапывать меня из-под обломков школы.

По радио мы узнали, что эпицентр землетрясения находился как раз в нашем посёлке. По шкале Рихтера толчок оценили почти в пять баллов.

Вечером администрация посёлка сообщила жителям о том, что ночью будет ещё два восьмибалльных толчка. Ночевать советовали на улице. Не понимаю – как могли такое предсказать, потому что землетрясение само по себе явление не предсказуемое, но дело было сделано,

новость запущена. После пережитого люди готовы были поверить даже в конец света. Никому не хотелось умирать.

В посёлке стояло несколько многоэтажек. Там царил настоящая паника. Люди боялись подниматься на свой этаж и заходить в квартиры. Почти весь день толпа жильцов провела на улице.

До сих пор у моих родителей хранится видеокассета, на которую отец снял всё происходящее. Мы ночевали среди грядок в огороде, расстелив несколько старых одеял. Тут же в огороде стояли самые ценные вещи нашего дома – телевизор, видеомэгаффон и хрусталь. Больше нам спасты было нечего. Собачью будку мама приказала отнести подальше от дома и поставить возле нашего временного пристанища.

Сейчас без смеха на это смотреть невозможно, но тогда это казалось настоящей катастрофой.

Ночью было слышно, как разговаривают даже в самом дальнем конце посёлка. Никто не спал. Родители шептались, боясь меня разбудить. Я лежал под тёплым ватным одеялом и смотрел на звёзды.

Разом вспомнились всё: спортзал, директор, испуганные глаза Киры. Я представлял, что она тоже сейчас не спит, смотрит на звёзды и вспоминает произошедшее.

Только тогда, ночью, я понял, что теперь всё изменится. Она будет считать себя обязанной передо мной, будет смотреть на меня как на своего спасителя. Может даже влюбится. Я был готов к тому, что теперь мне придётся провожать её после школы (если здание уцелеет после этой ночи) и защищать от кого-то. По крайней мере, мы должны остаться как минимум друзьями. Я понимал это. Я был готов к этому. И это было бы, наверное, правильно. Но как потом оказалось, я сильно ошибался.

С того дня в течение нескольких лет мы не сказали друг другу ни единого слова. В тот сумасшедший день, ещё детьми, мы были как никогда близки и ещё как никогда далеки друг от друга, сами того не понимая. Много раз потом я желал отдать всё, чтобы прожить заново эти минуты. Минуты рядом с ней. Прожить и умереть вместе, держа друг друга за руки.

4

Проснувшись утром, я понял, что ничего не изменилось. Дома стояли целые и невредимые на своих прежних местах. Никаких признаков разрушения или хотя бы слабых подземных толчков не было. Теперь все эти сборы и эвакуация на огородные грядки выглядела особенно глупо.

Уже через несколько часов жизнь вошла в своё обычное русло. Родители, убрав всё в дом, засобирались на работу. Я пошёл на практику, которую не отменили бы даже если бы от школы остались одни щепки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.